

Лукас Латц / Фото со страницы Латца в фейсбуке

05.06.2019, 15:04 Санкт-Петербург

свой опыт

«Про политику не пишешь?»: немецкого журналиста оштрафовали из-за текстов о протестах

К студенту из Германии Лукасу Латцу пришли полицейские из-за интервью с активистами экологического движения «Стоп ГОК». Ему сказали, что он нарушил миграционное законодательство, работая журналистом без разрешения. Однако даже после того, как Латц оплатил штраф, полиция продолжила спрашивать, почему он пишет про «Стоп ГОК» и считает ли это движение экстремистским.

Я студент по обмену, живу в общежитии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). 28 мая неожиданно ко мне в общежитие пришли два

полицейских. Один из них представился как Александр Павлович Петренко, имя второго я не запомнил.

Тот, чье имя я не запомнил, сказал, что он практикант, хотя выглядел он лет на 30. У меня зародилось подозрение, что он из Центра «Э». Они попросили меня показать паспорт, чтобы проверить визу. Затем они спросили, на самом ли деле я студент СПбГУ и не занимаюсь ли я какой-либо другой деятельностью в России.

После этого меня спросили, брал ли я у кого-нибудь интервью. Я подтвердил. Петренко объяснил мне, что у меня учебная виза, по которой нельзя заниматься другой деятельностью, в частности, журналистской. Я попытался ему пояснить, что брал интервью для учебных целей, так как я студент восточноевропейских исследований в Берлине. Однако для него это не было аргументом, поскольку я являюсь студентом филологического факультета, которому, по его словам, не стоит брать интервью с кем бы то ни было.

Петренко сказал, что мне следует заплатить два штрафа по 2000 рублей, поскольку я пребывал в Екатеринбурге и в Челябинске с журналистскими целями, хотя у меня не было специальной для этого визы. Он мне дал прочесть статью 18.10 КоАП (Осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности без разрешения на работу).

Он заполнил два других документа — протокола. Заполнение длилось очень долго, около двух часов. В течение этого времени «чиновник-практикант» спрашивал, какие у меня планы на будущее, хочу ли я возвращаться в Россию, чтобы заниматься здесь журналистикой, есть ли у меня русская девушка. При этом они постоянно говорили со мной «ты».

Потом мы договорились, что 29 мая я приду в отдел МВД, где будут рассматривать мое «дело». У протокола не было номера. Я не получил официальную повестку. Сотрудник просто дал мне свой номер телефона, и я должен был ему позвонить, когда я туда подойду.

Как я это для себя объяснил в тот момент? Я это объяснил тем, что недавно я был в Челябинске и брал там интервью с несколькими активистами движения «Стоп ГОК», борющегося со стройкой комбината на окраине города. Несколько недель назад Василий Московец, один из активистов движения, опубликовал в социальных сетях фотографию, где мы стоим рядом друг с другом. Поэтому было легко узнать, что я там оказался.

На Московца заведено **уголовное дело**. Некоторые чиновники в городе считают его «экстремистом» — так мне по телефону сказал депутат городской думы (Московца обвиняют в подстрекательстве к хулиганству — *ОВД-Инфо*). Может быть, я вызываю подозрение, потому что интересуюсь его деятельностью извне.

На следующий день по советам друзей и знакомых — каждому из которых эта ситуация показалась странной — я решил не идти один в полицию в 12:00 часов. Около этого времени мне позвонила сотрудница отдела международных отношений СПбГУ и попросила приехать к ней как можно быстрее. Я сразу заказал «яндекс-такси» и поехал в университет.

В 12:19 мне позвонил Александр Петренко (я ему не давал свой номер телефона). Он спросил, почему я не пришел в полицию в назначенное время. Я объяснил, что мне надо было быть у моего координатора, к тому же он не давал мне официальную повестку. Для меня было важнее прийти к моему координатору, поскольку она сильно беспокоилась. Он спросил: «Что, ты считаешь, важнее? Какого-то координатора или правоохранительные органы Российской Федерации?» Он сообщил, что его начальник

ждал меня и хотел поговорить со мной. Я предложил ему устроить встречу на следующий день. Однако он сказал: «Завтра уже будет поздно». Я попрощался и положил трубку.

В 12:34 он снова мне позвонил и оказывал на меня давление с целью убедить меня прийти к нему в этот же день. Я предложил ему встретиться в два часа, он согласился.

Мой координатор попросила меня подписать какие-то правила пребывания в России, задним числом. Видимо, у нее еще не было такого документа, и она хотела им себя обеспечить на крайний случай. Координатор сказала, что еще больше месяца назад от нее требовали информацию обо мне. Она передала документы, которые касались моего зачисления. Я попросил ее рассказать, кто именно мной интересовался. Она ответила, что «какой-то отдел нашего университета».

Такая волна беспокойства, причиной которого был я, меня немного удивила. Мое подозрение, что мной интересовалась не только миграционная служба, подтвердилось.

Потом мы с ней пошли в паспортно-визовый отдел (ПВО) СПбГУ, где мне показали какое-то сообщение полиции и спросили, почему она мною интересуется. Сотрудница ПВО дала мне совет: «Согласитесь на любой штраф. Извинитесь перед ними. Если вам придется выехать из страны, это будет гораздо хуже».

Когда я пришел в отдел, Петренко сказал, что мне необходимо найти ближайшее отделение Сбербанка и оплатить штраф. Я оплатил и вернулся обратно.

Пока он проверял квитанцию, я обратил внимание, что на его столе лежит доклад обо мне на трех или четырех страницах. К примеру, там было написано: «С 27 февраля

до 1 марта он проводил время с эко-активистами в Свердловской области» (это, кстати, неправда). Еще там было написано, что я участвовал в «акциях против ФСБ» в октябре 2018 года. Наверное, они увидели **статью** о задержаниях на одиночных пикетах, которую я писал для своего блога. В качестве вывода в докладе было написано, что я пребываю в России для того, чтобы распространять в стране «тенденциозные материалы».

Он дал мне прочитать документ, на котором были напечатаны две статьи закона «О средствах массовой информации». В нем были подчеркнуты некоторые выражения:

«Не допускается использование средств массовой информации <...> для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов <...>».

Он спросил, что я думаю о подчеркнутых строчках. Я ответил, что они не имеют никакого отношения ко мне, поскольку я не нарушал этих правил.

Потом он прочитал мне русский перевод статьи, которую я написал для немецкой газеты «Jungle World». Часть этого разговора я сохранил в виде звукозаписи:

Петренко: Смотри. Это ты написал? «В местных СМИ „Стоп ГОК“ изображен как движение экстремистов и правонарушителей».

Латц: Это на русском, я этого не писал. Не знаю. Не помню, как это звучит на немецком.

Петренко (продолжает читать): «Вместо того, избирательным законодательством граждане избирают районные советы. Выбирается горсовет, благодаря этой

системе, путинская партия „Единая Россия“...» Про политику не пишешь?

Латц: Нельзя отметить «Единую Россию», что ли?

Петренко: Да нет, можно... В местных СМИ... Вот этот. Почему ты написал, что «движение экстремистов и правонарушителей»? <...> Почему ты решил, что они экстремисты?

Латц: Я этого не решал.

Петренко: Но почему ты это написал? <...> (Старается произнести немецкое слово.) «Экстрэмистэн». Ты же печатал это?

<...>

Латц: Но... нельзя отметить слово «экстремист», что ли? В чем дело? Я не понимаю вопроса.

(*Петренко продолжает тихо читать.*)

Латц: В чем сейчас дело? Как я понял, вы мне объяснили, что я нарушил закон. Я сказал, что я понял. Вы сказали, что дело закрыто. И...

Петренко: Я про это сейчас не спрашиваю.

Латц: А про что вы сейчас спрашиваете?

Петренко: Просто спрашиваю. Интересуюсь твоей жизнью. <...> Так они экстремисты, что ли? «Стоп ГОК» — но ты там написал. Мне просто интересно. Они экстремисты или нет?

Разговор продолжался еще несколько минут. Потом он отвел меня к выходу. Хочу подчеркнуть, что Петренко фактически меня задержал в отделе МВД. Входная дверь была закрыта. Поэтому я не смог просто выйти. Ему нужно было открывать дверь для меня.

После этого никаких контактов с представителями у меня не было.

Ещё почитать

03.03.2026 Санкт-Петербург

Суд признал ЛГБТК+ группу «Выход» экстремистской организацией